Язык и текст
2026. *13*(3), 17–29.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130302
ISSN 2312-2757 (online)

Language and Text
2026. *13*(3), 17–29.
https://doi.org/10.17759/langt.2026130302
ISSN 2312-2757 (online)

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ | GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

Научная статья | Original paper

Концепт «жертва» в религиозном сознании православных верующих

А.С. Лагутова✉
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва, Российская Федерация
✉ lagutovaas@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Актуальность изучения концепта «жертва» обусловлена необходимостью выявления дискурсивной вариативности в условиях сосуществования светской и религиозной картин мира в современной России. **Цель.** Выявить особенности функционирования концепта «жертва» в светском и православном дискурсах. **Гипотеза.** Концепт «жертва» в светском дискурсе осмысливается преимущественно негативно, в то время как в православном – через добровольный акт любви и самоотречения. **Методы и материалы.** Материалом послужили статьи толковых и этимологических словарей, данные Национального корпуса русского языка, Священное Писание, святоотеческие творения, православные проповеди и акафисты XX–XXI вв. Использованы этимологический, компонентный, контекстуальный и сопоставительный анализ. **Результаты.** В светском дискурсе концепт «жертва» осмысливается преимущественно негативно, как бессмысленная утрата, страдание или результат насилия. В православном дискурсе он раскрывается через добровольный акт любви и самоотречения в подражание Христу, наполняя страдание высшим смыслом спасения. **Выводы.** Наиболее характерные примеры вербализации концепта «жертва» выявлены в акафистах новопрославленным святым (страстотерпцам царю Николаю II, царевичу Алексию, преподобномученице великой княгине Елисавете), где актуализируются такие семантические компоненты, как ‘добровольность’, ‘непорочность’, ‘жертвенная любовь’, ‘богоугодность’ и ‘самоотдача’.

Ключевые слова: религиозный дискурс, светский дискурс, православный дискурс, концепт «жертва», религиозное сознание, светское сознание, теолингвистика

© Лагутова А.С., 2026

CC-BY-NC

Для цитирования: Лагутова, А.С. (2026). Концепт «жертва» в религиозном сознании православных верующих. *Язык и текст, 13*(3), 17—29. https://doi.org/10.17759/langt.2026130302

The concept of “sacrifice” in the religious consciousness of Orthodox believers

A.S. Lagutova✉
National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation
✉ lagutovaas@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The relevance of studying the concept of "sacrifice" is driven by the need to identify discursive variability in the context of the coexistence of secular and religious worldviews in contemporary Russia. **Objective.** To identify the features of the functioning of the concept of "sacrifice" in secular and Orthodox discourses. **Hypothesis.** The concept of "sacrifice" is perceived negatively in secular discourse, whereas in Orthodox discourse it is understood through a voluntary act of love and self-denial. **Methods and materials.** The material includes entries from explanatory and etymological dictionaries, data from the Russian National Corpus, Holy Scripture, patristic writings, Orthodox sermons, and akathists from the 20th–21st centuries. Etymological, componential, contextual, and comparative analyses were employed. **Results.** In secular discourse, the concept of "sacrifice" is understood predominantly negatively, as a senseless loss, suffering, or a result of violence. In Orthodox discourse, it is revealed through a voluntary act of love and self-denial in imitation of Christ, imbuing suffering with the highest meaning of salvation. **Conclusions.** The most characteristic examples of the verbalization of the concept of "sacrifice" are found in akathists to newly glorified saints (passion-bearers Tsar Nicholas II, Tsarevich Alexei, and Venerable Martyr Grand Duchess Elizabeth), where such semantic components as 'voluntariness', 'purity', 'sacrificial love', 'God-pleasing nature', and 'self-giving' are actualized.

Keywords: religious discourse, secular discourse, Orthodox discourse, concept of "sacrifice", religious consciousness, secular consciousness, theolinguistics

For citation: Lagutova, A.S. (2026). The concept of “sacrifice” in the religious consciousness of Orthodox believers. *Language and Text, 13*(3), 17—29. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/langt.2026130302

Введение

Изучение концептов как ментальных единиц описания языковой картины мира является в настоящее время одним из центральных направлений когнитивной лингвистики. Особый интерес у исследователей вызывают концепты, функционирующие в разных типах дискурса. Для религиозного дискурса, формирующего теоцентрическую картину мира, ключевыми являются концепты, связанные с основами вероучения. Так, например, Е. В. Сергеева рассматривает макроконцепты «Бог», «человек» и микроконцепты «истина», «свет», «вера»,

«религия», «Церковь» (Сергеева, 2002), О. И. Ануфриева, исследует концепт «праведность» (Ануфриева, 2009), анализ концепта «любовь» в христианском понимании проводит Г. Н. Скляревская (2013), В. В. Сайгин изучает языковую реализацию концепта «грех» (Сайгин, 2014), глагольной семантике как языковому репрезентанту концепта «Бог» посвящено исследование Н. В. Осипчук (2022), понятия «святость» и «подвиг» изучает И. В. Бугаева (2023), о вербализации концепта «крест» в православной медиапроповеди пишет А. С. Макарова (2023), концепт «вера» в медиадискурсе рассматривает Е. А. Козлова (2023), концептуализацию «счастья», «радости», «блаженства» в философско-религиозном дискурсе изучает А. Е. Комлев (2025).

В рамках данного исследования анализируется значимый для православных христиан концепт «жертва» и рассматриваются особенности его функционирования в светском и религиозном дискурсах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления специфики дискурсивной вариативности концептов: функционирование религиозных лексем в светском дискурсе характеризуется семантическим разрывом между их сакральным и профанным содержанием, что обусловлено уникальным сосуществованием светской и религиозной картин мира в современной России. Лексема «жертва» традиционно воспринимается как связанная с религиозной сферой, однако она активно используется в светском дискурсе, претерпевая семантическую трансформацию, что позволяет проследить динамику десакрализации соответствующего концепта и выявить полярные семантические экспликации одного ментального образа.

Материалы и методы

Исследование базируется на комплексной методике, объединяющей этимологический, компонентный, контекстуальный и сопоставительный виды анализа. Использование функционально-семиологического подхода позволяет проследить «конкретные характеристики концепта, на основе которых формируется соответствующий смысл», то есть «выявить механизмы взаимодействия когнитивных и языковых структур» (Болдырев, 2018, с. 224–225). С этой целью автор прибегает к анализу словарных статей лексемы «жертва», а также к установлению ее прототипической семантики в религиозном и светском дискурсах, что позволяет выявить использование указанной лексической единицы «в высказывании для передачи тех или иных функциональных смыслов» (Болдырев, 2018, с. 225).

Эмпирической базой послужили данные толковых словарей русского языка (Словаря современного русского литературного языка (БАС), Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова (БТС), Словарь русского языка А. П. Евгеньевой (МАС), Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова (ТСО), Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (ТСРЯ)), этимологические данные (Этимологический словарь русского языка (ЭС)), специальные лексикографические источники, фиксирующие религиозную лексику (Полный церковно-славянский словарь (ПЦСЯ), Словарь православной церковной культуры (СПЦК)), данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также контексты из Священного Писания (отобранные с использованием ресурсов bible.by и ekzeget.ru), фрагменты богослужебных текстов и святоотеческих творений, православные проповеди и медиа, а также тексты акафистов XX–XXI вв. (отобранные с использованием ресурса akafistnik.ru), представленные на церковнославянском языке гражданским шрифтом.

Результаты

Концепт представляет собой подвижную комплексную единицу, которая актуализирует свои различные признаки и слои, поворачиваясь «разными сторонами» (Попова, 2015, с. 24) в зависимости от вида дискурса, в котором она рассматривается. В религиозном дискурсе происходит активизация периферийных значений отдельных концептов и их актуализация в ядерной зоне (Лагутова, 2025, с. 704), поскольку религиозный дискурс, представляющий собой систему речевой коммуникации, институционально обусловленную деятельностью в обществе той или иной религиозной организации, предполагает религиозный тип мышления (Грудинина, 2024, с. 116), который обуславливает при коммуникации актуализацию сакрального наполнения концепта, отличного от светского. Рассмотрим это на примере концепта «жертва».

Для начала обратимся к анализу лексемы «жертва». Данное слово происходит от праславянского *žьrtva*, родственного глаголу *žьrti* («приносить в жертву, совершать жертвоприношение»), которое восходит к индоевропейскому корню gr̥ń̥ti «воспевает, превозносит, восхваляет», gī́r ж. «хвала, награда», авест. āγairyā̃t «превозносится», gar ж. «хвала. награда, хвалебная песнь», лат. grātus «желанный, приятный, благодарный» (Фасмер, т. 2, с. 50). В самом этимоне слова заложен сакральный смысл – принесение жертвы как некой хвалы, приятной Господу.

Словарная фиксация отражает путь лексемы от сакрального к профанному. В словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко фиксируется исключительно религиозное значение: «Жертва = жертвоприношение» (Дьяченко, 2011, с. 181). Автор словаря указывает на всякое священнодействие, церковнослужение, обряд, общественное жертвоприношение. В теологической традиции жертвоприношение рассматривается как Божественное установление, руководствующее к основательному разумению книги Бытия. Уже в раю, согласно библейскому повествованию, «одежды кожаные» (Быт. 3, 21) могут рассматриваться как прообраз жертвы, знак особой милости Божией падшим людям и указание на грядущие страдания Сына Божия. В контексте Священного Писания лексема «жертва» полисемантична. Она может обозначать как священное возлияние, совершаемое при заключении союзов и договоров (Быт. 35, 14; ср. Чис. 15, 5), так и дар и способ очищения. Жертвы в прямом значении в исторической традиции рассматриваются как физические: кровавые и бескровные. В пророческой литературе лексема «жертва» приобретает метафорическое значение Божественной казни, обрушивающейся на нечестивых (Ис. 34, 6; Иер. 46, 10; ср. Иез. гл. 21). Выражение «жертва Господеви» в данных контекстах означает суд и истребление.

В христианской богослужебной традиции термин «жертва безкровная» закрепляется за таинством Евхаристии. Данное словосочетание служит для отличия новозаветного таинства от ветхозаветных кровавых жертв. В Евхаристии, по учению Церкви, священнодействуются пречистое Тело и всечестная Кровь Господа Иисуса Христа, что совершается аналогично тому, как это было установлено Им Самим на Тайной вечери с учениками прежде крестных страданий и смерти (Дьяченко, 2011, с. 182).

В словаре В. И. Даля лексема представлена уже более объёмно: «Пожираемое, уничтожаемое, гибнущее; то, что отдаю или чего лишаюсь невозвратно» (Даль, т. 1, с. 485). В словарной статье первое значение прямо указывает на сакральную актуализацию: «Приношение от усердия божеству: животных, плодов…» (Даль, т. 1, с. 485). Однако здесь же фиксируются новые, переносные смыслы, свидетельствующие о переходе в профанную сферу:

«отречение от выгод или утех своих по долгу…» (Даль, т. 1, с. 485) и, что особенно важно, третье значение, прямо указывающее на пострадавшего: «пострадавший от чего-либо есть жертва причин этих» (Даль, т. 1, с. 486). Фиксация в словаре В. И. Даля демонстрирует процесс семантической деривации, когда жертвой начинает именоваться не только добровольное приношение, но и объект страдания.

В словарях современного русского литературного языка (Ушакова, Ожегова, МАС, БАС) на первый план также выходит прямое историческое значение («приносимый в дар божеству предмет или живое существо»), но переносные значения становятся доминирующими в живом употреблении. На периферии встречаются сходные переносные значения, характерные для современного профанного мироощущения: «отказ от личных целей, интересов...»; «кто-л. пострадавший, потерпевший, погибший…» (БАС, т. 5, с. 617). Так, в первом определении утрачивается связь с изначальным адресатом жертвы (Богом), а во втором – доминирует негативная коннотация страдания, смерти.

Для комплексного описания показательным является анализ лексемы с обстоятельственными и атрибутивными распространителями, которые указывают на функционирование получившегося конструкта в конкретном виде дискурса. Рассмотрим наиболее яркие примеры, отобранные в ходе анализа и характерные для светского дискурса:

– По цели и результату: *стать жертвой* (преступления, обстоятельств, мошенников); *приносить в жертву* (карьеру, семью, время, здоровье);

– По оценке: *напрасная жертва; бессмысленная жертва; ненужные жертвы*;

– По способу существования: *комплекс жертвы; позиция жертвы* («не делай из себя жертву»).

В светском дискурсе «жертва» имеет негативную оценку. Смысловым ядром здесь являются значения «утрата», «страдание», «ущерб», которых следовало бы избежать. Акцент делается на пассивности субъекта (пострадавший становится объектом негативного воздействия) и бессмысленности потери, если она не привела к ощутимой земной выгоде.

В православном религиозном дискурсе распространители лексемы (единицы словосочетания в связанном значении, формирующие устойчивые в семантическом отношении словосочетания) носят иной характер, раскрывая её богословскую, аскетическую и литургическую категории:

– По адресату и смыслу: *Жертва Богу; Жертва Христова; Бескровная Жертва* (Евхаристия);

– По характеру действия: *принести себя в жертву* (во имя Христа, ближних); *добровольная жертва; искупительная жертва*;

– По внутреннему состоянию: *жертва хвалы* (Пс. 50, 21), *жертва сокрушенного и смиренного сердца* (Пс. 50, 19);

– Библейские контексты: «Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и *жертву Богу*» (Еф. 5, 2); «Милости хочу, а *не жертвы*» (Мф. 9, 13).

В Ветхом Завете жертва была прообразом и установлением, ведущим к осознанию потребности в Искупителе. Пророки подчёркивали приоритет внутреннего: «К чему Мне множество жертв ваших? <...> перестаньте делать зло; научитесь делать добро» (Ис. 1, 11, 16–17). В Новом Завете Христос Сам становится этой совершенной Жертвой, призывая учеников

к подражанию: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). Жертва здесь неразрывно связана с любовью («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» Ин. 15, 13) и осмысливается как путь к воскресению и вечной жизни. Апостол Павел свидетельствует о результате жертвенной жизни: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20).

В православной святоотеческой традиции жертва понимается как внутреннее состояние души. Так, преподобный Максим Исповедник подчёркивает, что «духовными жертвами (самоотвержением) признаем не только умерщвление страстей… но посвящение всех естественных сил Богу, принесение их во всесожжение Богу в огне благодати» (Настольная книга…, 1994, с. 5). Святитель Игнатий (Брянчанинов) уточняет: «Одна жертва (самоотвержение), принимаемая Богом от падшего человеческого естества, есть сокрушение духа» (Игнатий Брянчанинов, 2006, т. 5, с. 98). Святитель также указывает на необходимость послушания Богу в деле жертвенной жизни: «Господь, заповедавший нам самоотвержение (жертвенность), отречение от мира и ношение креста, дает нам силу исполнять заповедание его» (Игнатий Брянчанинов, 2006, т. 1, с. 96).

Святоотеческое понимание жертвы неразрывно связано с любовью к ближним и Отечеству. Святитель Игнатий (Брянчанинов) в письме генералу Н. Н. Муравьеву-Карскому писал: «Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят ее в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых» (Игнатий Брянчанинов, 2011, т. 3, с. 272). Святитель Иннокентий (Борисов) прямо уподобляет жертву за ближних самопожертвованию Христа. Обращаясь к Смоленскому ополчению, он говорит: «...теперь вы... приходите пролить за нас кровь и положить, если то нужно, самый живот свой. О, это верх братства и самоотвержения, даже христианского! “Болши сея любве никтоже имать, – сказал Сам Спаситель, – да кто душу свою положит за други своя” (Ин. 15, 13). ...Между нами нет ни единого, кто бы не чувствовал великости вашей жертвы…» (Иннокентий (Борисов), 1908, т. 2, с. 551–552). Как поясняет святитель Иннокентий, страдания «вознесли Божественного Страдальца на престол славы и всемогущества... потому что Он творил волю Отца Своего, приносил Себя в жертву за спасение всего мира... Так будет и со всяким, кто, подобно Спасителю своему, стоит за истину против неправды, кто приносит себя в жертву не ради земных выгод, а за спасение своих собратий» (Иннокентий (Борисов), 1908, т. 3, с. 305).

Наконец, святитель Феофан Затворник Вышенский наставляет верующего к внутренней жертве – сокрушению и смиренной молитве: «Докучайте Господу, Матери Божией и Ангелу Хранителю... молитесь, чтобы дали познать себя, а по познании вложили желание и снабдили силою исправить все неисправное, а паче чтобы исполнили сердце духом сокрушения и смирения, в коих жертва Богу, самая Ему угодная» (Феофан Затворник, 2019, с. 153). Так, в святоотеческой литературе понятие жертвы раскрывается через добровольное самоотречение, чистоту сердца и любовь к Богу и ближним, что принципиально важно для формирования религиозной картины мира православных верующих.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что концепт «жертва» трансформируется в зависимости от типа дискурса, в котором он рассматривается. В светской языковой картине мира в Новое время данный концепт проявляется с устойчивой негативной коннотацией, описывающей пассивное страдание, утрату или бессмысленный отказ от чего-либо. В

православном дискурсе концепт раскрывается через добровольный акт любви и самоотречения, совершаемый в подражание Христу и ведущий к соединению с Богом. Противопоставление этих значений является ярким примером дихотомии профанного и сакрального: то, что в мирском понимании есть трагедия и потеря (гибель, страдание, утрата, ущерб), в религиозном мироощущении воспринимается как высшее торжество духа и условие спасения.

Концепт «жертва» в акафистах новопрославленным святым

Традиционно в православном религиозном сознании святость осмысливается через жертвенность: добровольный акт самоотдачи Всевышнему, отказ от мирского с целью уподобления Христу, принесшему Себя в Жертву ради искупления грехов мира. Как замечает К. В. Цеханская, «жертвенность – краеугольная категория православной духовности, “соль осоляющая”, дающая святости – силу, аскезе – смысл, молитве – действенность, любви – свободу» (Цеханская, 2015, с. 77). Так, добровольная жертва становится способом приближения к Господу, условием самого существования духовного подвига. Об этом святитель Николай Сербский пишет: «Всякая добродетель рождает жертвенность. Совершенная добродетель рождает полное самоотречение. Высшая добродетель – любовь – рождает совершенное самоотречение. Жертвенность вырастает в самоотречение, самоотречение прорастает в Жизнь Вечную» (Николай Сербский, 2001, с.13).

Особую значимость изучение концепта «жертва» в религиозном дискурсе приобретает в контексте анализа акафистов новопрославленным святым – мученикам, страстотерпцам, чей подвиг непосредственно был связан с насильственной кончиной или добровольным принятием страданий за веру. Для прославления данного типа подвига в жанре акафиста гимнографу необходимо языковыми средствами вербализовать информацию из жизни прославляемого святого, донести до молящегося смысл его жертвы, вписать индивидуальный подвиг в общецерковную традицию понимания жертвенности. Обратимся к примерам из акафистов XX–XXI вв.

В акафисте святому царю-страстотерпцу Николаю II концепт «жертва» вербализуется через несколько ключевых фразем хайретизмов, где актуализируются значимые семантические компоненты. Так, фразема хайретизма первого икоса содержит метафорическую конструкцию «жертво всесожжения», которая отсылает к ветхозаветной традиции сжигания животного на жертвеннике с целью вознесения «благоухания, приятного Господу» (Лев. 1, 9). Данный образ семантически связывается с символом полной отдачи себя Всевышнему. Тематически с этим хайретизмом связаны строки повествовательной части одиннадцатого икоса, где святой сравнивается с невинным жертвенным агнцем: «…послан быв земли нашей, яко агнец непорочный, полагаешися в жертву за грехи наша». Метафора «агнец непорочный» также глубоко символична и прототекстуально связана с евангельским символом Христа – Агнца Божия, вземлющего грехи мира (Ин. 1, 29). Через эту метафору происходит кодирование «Христоподражательной жертвы» святого: святой царь Николай уподобляется прототипу-Христу в Его жертвенной смерти. Фразема хайретизма пятого икоса «за Россию жертво усердная» связана с конкретным фактом из жизни императора. При жизни Николай II говорил: «Быть может, необходима искупительная жертва для спасения России. Я буду этой жертвой» (Кочетова, 2000, с. 274).

В акафисте страстотерпцу цесаревичу Алексию, концепт «жертва» получает выражение через доминантный образ агнца. Так, в первом кондаке и восьмом икосе гимнограф обращается к святому конструкцией «а́гнче незло́бивый». Образ агнца также встречаем во

фраземе двенадцатого икоса: «а́гнче кро́ткий, в же́ртву чи́стую Го́сподеви принесе́нный» и в девятом кондаке: «закла́н быв я́ко а́гнец чисте́йший». Образ агнца подчёркивает отсутствие сопротивления злу, добровольное и смиренное приятие страданий.

В первом икосе данного акафиста также возникает семантически тождественный образ традиционной ветхозаветной жертвенной птицы: «го́рлице непоро́чная» (ср. Лев. 12, 8), что расширяет экспликацию концепта «жертва». В одиннадцатом икосе акафиста встречаем фразему: «же́ртво непоро́чная, же́ртвенней любви́ нас науча́ющая», которая указывает на чистоту, безгрешность и невинность приносимой жертвы. Отметим, что жертва здесь не только констатируется, но и становится предметом научения, так как сам святой примером своей жизни учит верующих жертвенной любви.

В акафисте преподобномученице великой княгине Елисавете концепт «жертва» вербализуется во фраземах хайретизмов, которые демонстрируют его различные грани. Так, в хайретизме восьмого икоса «ра́дуйся, себе́ в же́ртву Бо́гу угото́вившая» глагол «уготовившая» указывает на особый духовный настрой, осознанность и предуготовленность предшествующей жизни к будущему подвигу: от оставления светского окружения до основания Марфо-Мариинской обители как акта жертвенного служения Всевышнему. В хайретизме девятого икоса: «ра́дуйся, любви́ же́ртвенней, ве́чней нас науча́ющая», – жертвенная любовь определяется как «вечная», сотериологическая, ведущая в Царство Небесное. Таким образом, в тексте показан спасительный характер жертвенной любви. В одиннадцатом икосе: «ра́дуйся, же́ртво непоро́чная и благопри́ятная, Бо́гу принесе́нная», эпитет «благоприятная» отсылает к ветхозаветной традиции жертвенного сжигания (Лев. 1, 9) и подчеркивает, что эта жертва была милостиво принята Господом. Концепт «жертва» в акафисте преподобномученице княгине Елисавете также раскрывается через образ агнца. Так, фразема «Христова агнице избранная» отсылает к строкам из Евангелия (Ин. 1, 29), что связывает подвиг святой со страданиями Христа: «как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис. 53, 7).

Обсуждение результатов

Анализ хайретизмов, акафистов новопрославленным святым позволяет сделать вывод о том, что концепт «жертва» вербализуется в религиозном дискурсе в гимнографическом тексте через систему устойчивых образно-семантических моделей, восходящих как к ветхозаветной культовой практике («жертва всесожжения», «жертва благоприятная»), так и новозаветной христологии («агнец непорочный», «агнец кроткий»). Ключевыми семантическими компонентами, актуализируемыми в хайретизмах, выступают ‘добровольность’, ‘непорочность’, ‘жертвенная любовь’, ‘богоугодность’ и ‘самоотдача’. Эти компоненты в совокупности формируют то понимание жертвы, которое является центральным для православного религиозного сознания.

Заключение

Таким образом, концепт в различных видах дискурса актуализирует и активирует разные понятийные пласты, конкретизируясь и подвергаясь переосмыслению. Рассматриваемые в религиозном дискурсе концепты претерпевают трансформацию в ситуации диалога дискурсов, при перенесении в светский дискурс.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что концепт «жертва» является одним из значимых в современной языковой картине мира, которая в современной России характеризуется дихотомией светского и религиозного типов сознания. В светской картине мира понятие «жертва» интерпретируется в негативном ключе, как бессмысленная утрата или результат насилия. В религиозном православном дискурсе данный концепт раскрывается через добровольный акт любви и самоотречения в подражание Христу, что наполняет страдание высшим смыслом, позволяет рассматривать его как один из путей спасения. Анализ вербализации концепта «жертва» в акафистах новопрославленным святым помогает глубже понять, как этот он функционирует в религиозном дискурсе. В гимнографическом тексте через систему устойчивых образно-семантических моделей актуализируются такие его ключевые семантические компоненты, как ‘добровольность’, ‘непорочность’, ‘жертвенная любовь’, ‘богоугодность’ и ‘самоотдача’.

Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с расширением эмпирической базы за счёт анализа более ранних акафистов или других жанров религиозного дискурса, а также привлечения данных экспериментальных методик для выявления содержания концепта «жертва» в массовом языковом сознании современных носителей русского языка.

Список источников / References

1. Акафистник.рф. [б. г.]. Акафистник.рф : сайт. URL: https://akafistnik.ru (дата обращения: 08.05.2026).
   Akafistnik.ru. [n.d.]. Akafistnik.ru : website. URL: https://akafistnik.ru (viewed: 08.05.2026). (In Russ.)
2. Ануфриева, О. И. (2009). Концепт «Праведность»: структура и средства выражения. Известия Волгоградского государственного педагогического университета, (7), 16—20.
   Anufrieva, O. I. (2009). The concept of "Righteousness": Structure and means of expression. Izvestia of Volgograd State Pedagogical University, (7), 16—20. (In Russ.)
3. Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (2006). Москва : Российское библейское общество.
   The Bible: The books of the Holy Scripture of the Old and New Testaments. (2006). Moscow: Russian Bible Society. (In Russ.)
4. Болдырев, Н. Н. (2018). Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Москва : Издательский дом ЯСК.
   Boldyrev, N. N. (2018). Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language. Moscow: Publishing House YaSK. (In Russ.)
5. Кузнецов, С. А. (Ред.). (2003). Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург : Норинт.
   Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2003). Comprehensive explanatory dictionary of the Russian language. St. Petersburg: Norint. (In Russ.)
6. Бугаева, И. В. (2023). Святость и подвиг в религиозном дискурсе. В: Александр Невский и Савва Сербский: подвиг и святость в языке, литературе, культуре, истории : сборник статей Круглого стола, Москва, 16 ноября 2021 года (с. 15—25). Москва : Российский

государственный университет имени А. Н. Косыгина.
Bugaeva, I. V. (2023). Holiness and feat in religious discourse. In: Alexander Nevsky and Savva of Serbia: Feat and holiness in language, literature, culture, history: Proceedings of the Round Table, Moscow, November 16, 2021 (pp. 15—25). Moscow: Kosygin Russian State University. (In Russ.)

7. Грудинина, Е. В. (2024). О соотношении дефиниций «религиозный дискурс» и «религиозный функциональный стиль»: конфессиональный и языковой аспекты. Вестник Екатеринбургской духовной семинарии, (48), 108—126.
Grudinina, E. V. (2024). On the correlation of definitions of "religious discourse" and "religious functional style": Confessional and linguistic aspects. Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary, (48), 108—126. (In Russ.)
8. Даль, В. И. (2004). Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. Москва : Олма-Пресс.
Dal, V. I. (2004). Explanatory dictionary of the Living Great Russian language: In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Olma-Press. (In Russ.)
9. Дьяченко, Г. (2011). Полный церковно-славянский словарь. Москва : Отчий дом.
Dyachenko, G. (2011). Complete Church Slavonic dictionary. Moscow: Otchiy Dom. (In Russ.)
10. Игнатий Брянчанинов, свт. (2011). Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова: В 3 т. Т. 3. Москва : Паломник.
Ignatius Brianchaninov, St. (2011). Complete collection of letters of St. Ignatius Brianchaninov: In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Palomnik. (In Russ.)
11. Игнатий Брянчанинов, свт. (2006). Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Аскетические опыты. Москва : Ковчег.
Ignatius Brianchaninov, St. (2006). Collected works: In 7 vols. Vol. 1. Ascetic experiments. Moscow: Kovcheg. (In Russ.)
12. Игнатий Брянчанинов, свт. (2006). Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Приношение современному монашеству. Москва : Ковчег.
Ignatius Brianchaninov, St. (2006). Collected works: In 7 vols. Vol. 5. Offering to modern monasticism. Moscow: Kovcheg. (In Russ.)
13. Иннокентий (Борисов), свт. (1908). Речь Смоленскому ополчению, при встрече его, пред совершением молебствия по сему случаю, произнесенная 24 сентября 1855 года. В: Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонскаго и Таврическаго: в 6 т. (2-е изд., Т. 3, с. 304—307). Санкт-Петербург : И. Л. Тузов.
Innocent (Borisov), St. (1908). Speech to the Smolensk militia, upon meeting them, before performing a prayer service on this occasion, delivered on September 24, 1855. In: Works of Innocent, Archbishop of Kherson and Taurida: In 6 vols. (2nd ed., Vol. 3, pp. 304—307). St. Petersburg: I.L. Tuzov. (In Russ.)
14. Иннокентий (Борисов), свт. (1908). Речь Смоленскому ополчению, при встрече его, пред совершением молебствия по сему случаю, произнесенная 24 сентября 1855 года. В: Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонскаго и Таврическаго: в 6 т. (2-е изд., Т. 2, с. 551—552). Санкт-Петербург : И. Л. Тузов.

Innocent (Borisov), St. (1908). Speech to the Smolensk militia, upon meeting them, before performing a prayer service on this occasion, delivered on September 24, 1855. In: Works of Innocent, Archbishop of Kherson and Taurida: In 6 vols. (2nd ed., Vol. 2, pp. 551—552). St. Petersburg: I.L. Tuzov. (In Russ.)

15. Козлова, Е. А., Гремицкая, М. В. (2023). Концепт ВЕРА и религиозный дискурс: влияние медиа. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 16(1), 285—290.
Kozlova, E. A., Gremitskaya, M. V. (2023). The concept of FAITH and religious discourse: The influence of media. Philological Sciences. Issues of Theory and Practice, 16(1), 285—290. (In Russ.)

16. Комлев, А. Е. (2025). Концептуализация счастья, радости, блаженства в философско-религиозном дискурсе: онтологический аспект. Гуманитарный вестник, (2(112)), 80—88.
Komlev, A. E. (2025). Conceptualization of happiness, joy, bliss in philosophical and religious discourse: An ontological aspect. Humanitarian Bulletin, (2(112)), 80—88. (In Russ.)

17. Кочетова, Л. В. (2000). Все великие пророчества. Москва : АСТ.
Kochetova, L. V. (2000). All the great prophecies. Moscow: AST. (In Russ.)

18. Лагутова, А. С. (2025). Концепт светильник в пространстве религиозного дискурса (на примере жанра акафиста). Когнитивные исследования языка, (1-1(62)), 704—708.
Lagutova, A. S. (2025). The concept of lamp in the space of religious discourse (based on the genre of akathist). Cognitive Studies of Language, (1-1(62)), 704—708. (In Russ.)

19. Макарова, А. С. (2023). Вербализация концепта крест в православной медиапроповеди. Когнитивные исследования языка, (3-2(54)), 725—729.
Makarova, A. S. (2023). Verbalization of the concept cross in Orthodox media sermons. Cognitive Studies of Language, (3-2(54)), 725—729. (In Russ.)

20. Настольная книга священнослужителя: В 8 т. Т. 7. (1994). Москва : Издание Московской Патриархии.
A clergyman's handbook: In 8 vols. Vol. 7. (1994). Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate. (In Russ.)

21. Национальный корпус русского языка. [б. г.]. Национальный корпус русского языка : сайт. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 08.05.2026).
Russian National Corpus. [n.d.]. Russian National Corpus: website. URL: http://www.ruscorpora.ru (viewed: 08.05.2026). (In Russ.)

22. Николай Сербский, свт. (2001). Мысли о добре и зле. Москва : Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.
Nikolaj of Serbia, St. (2001). Thoughts on good and evil. Moscow: Publishing House of the Moscow Compound of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra. (In Russ.)

23. Ожегов, С. И. (2019). Толковый словарь русского языка (Л. И. Скворцов, ред., 27-е изд., испр.). Москва : Мир и образование.
Ozhegov, S. I. (2019). Explanatory dictionary of the Russian language (L. I. Skvortsov, Ed., 27th ed., rev.). Moscow: Mir i Obrazovanie. (In Russ.)

24. Осипчук, Н. В. (2022). Глагольная семантика как языковой репрезентант концепта «БОГ» в религиозном дискурсе (на материале русскоязычной православной литературы). Гуманитарный научный вестник, (6), 178—184.
Osipchuk, N. V. (2022). Verbal semantics as a linguistic representative of the concept "GOD" in religious discourse (based on Russian Orthodox literature). Humanitarian Scientific Bulletin, (6), 178—184. (In Russ.)

25. Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2015). Язык и национальная картина мира. Москва ; Берлин : Директ-Медиа.
Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2015). Language and the national worldview. Moscow; Berlin: Direct-Media. (In Russ.)

26. Сайгин, В. В. (2014). Языковая реализация концепта «Грех» в разных дискурсивных практиках современной русской речи. Коммуникативные исследования, (1), 188—196.
Saigin, V. V. (2014). Linguistic implementation of the concept "Sin" in different discursive practices of modern Russian speech. Communication Studies, (1), 188—196. (In Russ.)

27. Сергеева, Е. В. (2002). Русский религиозно-философский дискурс «школы всеединства»: лексический аспект: дис. … д-ра филол. наук. Санкт-Петербург.
Sergeeva, E. V. (2002). Russian religious-philosophical discourse of the "school of unity": Lexical aspect: Diss. Dr. Sci. (Philol.). St. Petersburg. (In Russ.)

28. Скляревская, Г. Н. (2013). Концепт «любовь» в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки). В: Язык, сознание, коммуникация : сборник научных статей, посвященных памяти В. Н. Телия (Вып. 46, с. 104—112). Москва : МАКС Пресс.
Sklyarevskaya, G. N. (2013). The concept of "love" in Christian understanding: An attempt at lexicographic description (preliminary notes). In: Language, consciousness, communication: Collection of scientific articles dedicated to the memory of V.N. Telia (Issue 46, pp. 104—112). Moscow: MAKS Press. (In Russ.)

29. Скляревская, Г. Н. (2008). Словарь православной церковной культуры. Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб.
Sklyarevskaya, G. N. (2008). Dictionary of Orthodox church culture. Moscow: AST; St. Petersburg: Astrel-SPb. (In Russ.)

30. Евгеньева, А. П. (Ред.). (1981–1984). Словарь русского языка: в 4 т. (2-е изд., испр. и доп.). Москва : Русский язык.
Evgenieva, A. P. (Ed.). (1981–1984). Dictionary of the Russian language: In 4 vols. (2nd ed., rev. and suppl.). Moscow: Russky Yazyk. (In Russ.)

31. Чернышев, В. И. [и др.] (Ред.). (1956). Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5. Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР.
Chernyshev, V. I. [et al.] (Eds.). (1956). Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vols. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)

32. Ушаков, Д. Н. (Ред.). (1935–1940). Толковый словарь русского языка: в 4 т. Москва : Советская энциклопедия.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russ.)

33. Фасмер, М. (1986–1987). Этимологический словарь русского языка: в 4 т. (О. Н. Трубачев, пер. с нем. и доп., 2-е изд., стер.). Москва : Прогресс.
Vasmer, M. (1986–1987). Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vols. (O. N. Trubachev, Trans. from German and suppl., 2nd ed., ster.). Moscow: Progress. (In Russ.)
34. Феофан Затворник, свт. (2019). Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Москва : Духовное преображение.
Theophan the Recluse, St. (2019). What is spiritual life and how to attune to it? Moscow: Spiritual Transformation. (In Russ.)
35. Цеханская, К. В. (2015). Идеал жертвенности в русском религиозном самосознании. Евразийский союз ученых, (11-1(20)), 76—85.
Tsekhanskaya, K. V. (2015). The ideal of sacrifice in Russian religious self-consciousness. Eurasian Union of Scientists, (11-1(20)), 76—85. (In Russ.)

Информация об авторе

Анастасия Сергеевна Лагутова, преподаватель кафедры иностранных языков и «Русский язык как иностранный», Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (ФГБОУ ВО НИУ МГСУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4244-1043, e-mail: lagutovaas@gmail.com

Information about the author

Anastasia S. Lagutova, Lecturer, Department of Foreign Languages and “Russian as a Foreign Language”, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0009-4244-1043, e-mail: lagutovaas@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 03.06.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 10.09.2026
Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.03
Revised 2026.08.28
Accepted 2026.09.10
Published 2026.09.30